

УДК 811.554
ГРНТИ 16.41.61

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ МОДАЛЬНЫХ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ДИАЛЕКТАХ ЮКАГИРСКОГО ЯЗЫКА

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.80.1126

Лукина Маргарита Петровна

к. филол. н., научный сотрудник

Отдела северной филологии,

Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов

Севера Сибирского отделения Российской академии наук

г. Якутск, Республика Саха (Якутия), РФ

677000, ул. Петровского, дом 1

FEATURES OF WORD FORMATION MODAL AND EVIDENTIAL VERBS IN THE DIALECTS OF THE YUKAGIR LANGUAGE

Lukina Margarita Petrovna

PhD in Philology, Researcher Fellow

Northern Philology,

The institute for Humanities Research and Indigenous Studies

of the North Russian Academy of Sciences Siberian Branch.

Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), RF

677000, Petrovsky street, house 1

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются особенности словообразования модальных и эвиденциальных глаголов в тундренном и колымском диалектах юкагирского языка. В результате анализа словообразования глаголов в юкагирских языках сделаны выводы: 1) употребление в речи модальных глаголов, одними из компонентов которых являются форманты (ТЮ): -морав=, -мори=, -бунь= (-буол=, -буонь), -көди; (ЛЮ): -можуу=, -можи=, -уол/-миэби~биэби/дин=, а также эвиденциальных глаголов с формантами (ТЮ и ЛЮ): -льэ/-льэл; =льэл-тэ, свидетельствует о развитии грамматического строя юкагирских языков, - постепенный переход полнозначных слов в суффиксы глаголов; 2) вышеуказанные форманты выполняют роль своеобразных словообразовательных средств.

ABSTRACT

The article reveals the features of word formation of modal and evidential verbs in the tundra and Kolyma dialects of the Yukaghir language. As a result of the analysis of the word formation of verbs in the Yukaghir languages, the following conclusions were drawn: 1) the use of modal verbs in speech, one of the components of which are formants (TYu): -moraw =, -mori =, -bun = (-buol =, -buon), - kădi; (LYu): -mozhuu =, -mozhi =, -uol / -miebi ~ biebi / din =, as well as evidential verbs with formants (TYu and LYu): -le / -lel; = lel-te, testifies to the development of the grammatical structure of the Yukaghir languages, - a gradual transition of full-valued words to verb suffixes; 2) the above formants play the role of a kind of derivational means.

Ключевые слова: юкагирский язык, тундренный диалект, колымский диалект, модальные глаголы.

Keywords: yukaghir language, tundra dialect, Kolyma dialect, modal verbs.

В результате анализа словообразования глаголов в языках юкагириков выявлены особенности словообразования сложных модальных глаголов и их значений, образующихся посредством формантов: 1) в языке тундренных юкагириков (далее ТЮ) -*морав*=, -*мори*=, -*бунь*= (-*буол*=, -*буонь*), -*көди*; 2) в языке лесных юкагириков (далее ЛЮ) -*можуу*=, -*можи*=, -*уол/-миэби~биэби/дин*. Ранее, исследователями юкагирского языка указанные форманты включались в состав суффиксов наклонений и рассматривались как словоизменительные аффиксы [3, с. 124-129; 8, с. 152-163]. Свообразием лексического значения сложных модальных глаголов в юкагирском языке является выражение отношения к действию, при этом отношения модального т. е. его необходимости, возможности или желательности. Общее значение данного «неполнозначного»

слова – *значение необходимости*, но в различных условиях контекста на него могут наслаиваться различные оттенки такие, как **долженствование, обязательность, неизбежность, вынужденность, предназначение** и т. п. Употребление форманта -*морав*= в ТЮ предполагает невозможность несовершенства действия, указывает на необходимость выполнения:

1. Глаголы с компонентом -*морав*= большей частью передают необходимость, заключающейся в обязательности или неизбежности каких-то процессов или явлений, вызванных определенными фактами объективной действительности или возникающих при определенных условиях. Следующие примеры могут служить иллюстрацией выражения значения глаголов с компонентом -*морав*= в значении **долженствования**: ТЮ 1) *Мэтул эл*

лиwэльэник, тэн мэт мэр индэьйуолморавньэйэн. Меня не отвлекайте, я должна шитьем заниматься; 2) Искуолэ уорпэк кэлуьйуолморавньэнул. Школьники должны прийти.

В ЛЮ вместо глаголов с компонентом **-морав**= ТЮ в значении **долженствования** употребляются глаголы с компонентом **-можи**=: 1) Мэт угуйэ кэwэй **можийэ** «Я завтра должен буду ехать» [4, с. 144].

2. Следующие примеры показывают, что сложные модальные глаголы в ТЮ с компонентом **-морав**= выражают **уверенность говорящего** лица в том, что действие в будущем – **обязательность, неизбежность**. При переводе предложений можно было бы добавить слово "обязательно": 1) Тэтул пуньюолморав лунбурэбэба, эгуойиэ ханаар мэ кэткэйтэли. К той земле местности, где тебя **обязательно должны убить**, завтра доедем.

3. Сложные модальные глаголы в ТЮ с компонентом **-морав**= выражают значение **предназначения**: Аawэйуолгинморав waай инэр; лэwдэйуолгинморав waай инэр. Отдельно приготовили место, где (он) будет спать; отдельно приготовили место, где (он) будет есть.

В следующем примере к модальному глаголу с компонентом **-морав**= присоединяется архаичная основа **-гол** со значением «быть»: Льуку монийуолба кудэриэнунга, хандэьльэдэwйуолморавгол, эври лэйкэнуол. В маленький желудок (оленья) складывают (жир), **предназначенный для зимней еды**.

В ЛЮ ранее зафиксированный Е.А. Крейновичем формант **-можуу**= не был обсужден с лесными юкагирами, однако примеры, записанные им свидетельствуют об указании этого форманта на **предназначение**: Тинг шаал лэмэmodьуук? Это дерево для чего? **Колисэmodьуук**. Для лыж [4, с. 145].

4. При характеристике сложных модальных глаголов с компонентом **-мори**=, выражающего необходимость, обычно подчеркивается **меньшая категоричность** передаваемого им значения необходимости, вследствие чего в ТЮ он часто употребляется для выражения вынужденности и уступки, в смысле «**придется сделать что-то**»: 1) Кэлуьйуолба, мэт аарии поньимэн, маалэк мэр ууморинг. Когда (я) ходил, свое ружье забыл, ну что ж, **придется пойти** (за ним). 2) Мидьэрпэй чуул, мэ лэwморинг. «(Ох), свежее мясо, **придется есть**».

В ЛЮ вместо глаголов с компонентом **-мори**= ТЮ, в значении необходимости для выражения вынужденности, в смысле «**придется сделать что-то**», употребляются глаголы с компонентом **-можи**=: 1) Танг шаал **чинэможи**. «Это дерево **придется срубить**»; 2) Омось, лэндэwможийэ. «Хорошо, **есть придется**» [4, с. 144].

5. Модальные глаголы с **-мори**= могут выражать **условие** в значении «если, действительно...»: Амутнэн - урааморилбанэ, чугумуморилбанэ, аринньэйуморилбанэ wэрwэмусулгинь, - мэтчамизньтадит. Хорошо

учиться, если, действительно, будешь, если, действительно, быстрым будешь, если, действительно, ловким будешь, (тебя) чтобы сделать сильным, - своему старшему брату отдам.

Сложные модальные глаголы с компонентом **-мори**= выражают также модальное значение вероятности и возможности, т.е. могут употребляться в значении русского глагола «**могу**»: 1) Мэт тэтинь тунг книга мэ тадиморинг. «Я **могу тебе дать** эту книгу». 2) Мэт эл wiэморийэнг. Я не **могу сделать**.

Сложные модальные глаголы с компонентом **-можи**= в ЛЮ выражают также значение вероятности и возможности: 1) Эламдэwможи. «Не умрет, наверное»; 2) Төнбэwможи. «Сильным будет, наверное» [4, с. 144].

Сложными модальными глаголами, выражающими **волеизъявление**, в ТЮ являются глаголы с компонентами **-бунь**= (**-буол**=, **-буонь**), которые выражают разные оттенки волеизъявления - желание, намерение, стремление в различной степени, а при отрицании – нежелание, отказ совершить какое – то действие. Действия-состояния при этом могут быть происходившие, происходящие или действия, которые могут произойти в будущем.

1. Основное значение составных модальных глаголов с компонентом **-бунь**= (**-буол**=, **-буонь**) в ТЮ заключается в выражении **желания** субъекта действия. Желание в юкагирском языке может выражаться в форме деепричастия на **-р**: Тадаа эwйэwбуныр, тудэмархиль эл тадилбуныр, кэйэдаба (танкөдэкиэйиэ) сахсэрэйрэлэкмолльэнь «тэн тэт ньаачэдитэ бани». **Заставить уехать желая, не желая выдать** свою дочь, перед ним положил некрасивые шейные позвончики и сказал: «вот такое у тебя лицо».

2. Отрицательная форма модального глагола **-бунь**= выражает **отрицание желания**: Эл тэнубунь, эл худэбан, эл лавйэбунь. Не голодает, ничего не случилось с ней, **не жаждет пить**. Тэт мирийэ эл кишлбунь. Твоя жена **не хочет давать**.

3. Перед глаголом может стоять утвердительная частица **-мэр**, при этом глагол выражает **утверждение** сообщения говорящим лицом: Уурэн (волмэ) мэр эгуолбуньэтэй титэ, тудэйлэк мэ лоходьаатэй. Шаман постепенно захочет встать, вот так, сам начнет приподниматься.

4. Модальные глаголы в форме **-буол**= (**страд. з.**), **-буонь** (3-е л.) выражают склонность к действию, означая «**любить просить**»: 1) Тун көдэн амутнэн көллэ инэриибунь. Этот человек чересчур **любит держаться в стороне** от людей (в смысле «имеет привычку»). 2) Танг тэт эпиз мэ ванчибуонь албадьаа. Уж чересчур **любит просить** та твоя бабушка.

В ЛЮ модальными глаголами, выражающими **волеизъявление**, являются глаголы с компонентами **-уоль**=, которые выражают желание, а при отрицании нежелание: 1) Титтэл хонуольни. Они **хотят идти**; 2) Мэт эллэндуольдэ. «Я **не хочу есть**» [4, с. 147].

В ЛЮ выражение желания может выражаться

также и суффиксом *-миэби/-биэби*: *Нумэдархаа лъахаи, шонмиэби*. «Близко к дому дошел, **войти хочет**» [3, С. 147].

В ЛЮ выражение желания может выражаться также и суффиксом супина *-дин*: 1) *Мэт эксиль аадин эридийэ*. «Я лодку сделать хочу» [4, С. 147.]; 2) *Ултэдин* лъэм. «**Хочет привязать**» [10].

В результате анализа словообразования глаголов в юкагирских языках выявлены особенности словообразования эвиденциальных глаголов с формантами 1) в языке тундренных юкагиров (ТЮ) *-лъэ/лъэл*, а в языке лесных юкагиров (ЛЮ) *-лъэл*. Уточнены значения словообразовательных формантов эвиденциальных глаголов юкагирского языка и сделаны следующие выводы:

I. Наклонение, которое исследователи юкагирского языка определяли как «очевидное», а иногда как «неочевидное», следует называть «неочевидным», так как данное наклонение употребляется в тех случаях, когда говорящий может обосновывать сообщение на информации, полученной им не с помощью собственных органов чувств (зрительных), т.е. не на основании опыта самого рассказчика, а лишь:

1. Для передачи значений невизуальной эвиденциальности в качестве выводов (**инференция**). В языке тундренных юкагиров для передачи значений инференции служит суффиксы *-лъэ/лъэл*. Примеры из ТЮ: 1) *Тудэл мэ кэвэйлъэнь*. / **Он ушел** (я не видел этого) (перевод информанта-носителя тундренного диалекта юкагирского языка В. Н. Третьякова) [12]; 2) *Э-э, мэ көллэльдээк?* Аа, *приехал (да)?* (перевод информанта-носителя тундренного диалекта юкагирского языка В. Н. Третьякова) [12]. Информант В. Н. Третьяков, будучи полиглотом, после перевода юкагирских предложений на русский и на якутский языки, добавляет «...я не видел этого» и «Я не видел, как он приехал, сразу не встретил, позже встретил и приветствую, поэтому в этом предложении я говорю: “Мэ көллэльдээк?”, а не “Мэ көлдээк?”». Тем самым, он передает семантику формантов в юкагирском языке *-лъэ/лъэл*, в которых заключено логическое умозаключение говорящего лица.

В языке лесных юкагиров (ЛЮ) для передачи значений невизуальной эвиденциальности (**инференция**) служит суффикс *-лъэл*: 1) *Таа ходоольэл*. Там **лежал** (а теперь его нет); 2) *Тудэл тии ходоольэл*. Он здесь **лежал** (когда точно знает, что он лежал); 3) *Тудэл тии ходоольэл*. Он здесь **лежал** (по приметам); *Тудэл ходоольэл* (интонация - ударение на -оо-); Он **лежал** (долго лежал, может болел) (перевод информанта-носителя лесного диалекта юкагирского языка А.Е. Шадрина) [10].

2. Говорящий знает информацию со слов других людей (**цитатив** или **пересказывательность**). Примеры из ТЮ: 1) *Тудэйлэдэ вэрвэй көдэ нолльэнь*. Сам-то он сильным человеком **был** (перевод информанта-носителя тундренного диалекта юкагирского языка В. Н. Третьяков). 2) *Эдылвэй саамэй тунг лункунбурэбэ мидьэрпэдаба мэдьуолльэлдэ гөдэк*.

Эдилвэй на самом рассвете этой земли **родившимся** человеком был (перевод информанта-носителя тундренного диалекта юкагирского языка В. Н. Третьяков). Информант В. Н. Третьяков семантику формантов *=лъэ/лъэл=* объясняет так: «Рассказчик сам свидетелем не был того события, поэтому он использует здесь форманты *=лъэ/лъэл=* [12].

3. При удивлении, получении новой информации говорящим лицом в момент речи (**адмиративность**). Примеры из ТЮ: 1) *Мит абучиэ мэр ааваальэнь*. Наша бабушка [т.е. озеро] **уснула, оказывается** [7, С. 17]; 2) *Тэт нимэ чэйличэрукун нолльэнь*. **Оказывается**, твой дом далеко **находится** [7, с. 574].

Примеры из ЛЮ: 1) *Тэт мархиль мэт иллээ молодьопкэлэ мэ пэйжишльэлум*. Твоя дочь, играя, **разбросала, оказывается**, мои новые рукавицы; 2) *Тэт мархиль мэт иллээ молодьопкэлэ мэ пэйшиэйльэлум*. Твоя дочь **выбросила, оказывается**, мои новые рукавицы [11].

II. Уточнены форманты **косвенной засвидетельствованности** у непереходных и переходных глаголов. В ТЮ у переходных глаголов во всех лицах *=лъэл=*, у непереходных в 3 л. ед. ч. *=лъэ=*, а во всех остальных лицах *=лъэл=*. В ЛЮ и у переходных и у непереходных глаголов *-лъэл*. Форманты *=лъэ/лъэл=* присоединяются к основе глагола и ведут себя как суффиксы, обозначая косвенное свидетельство совершения действия, выраженного смысловым глаголом.

Спряжение переходного глагола в ТЮ с формантом *=лъэ/лъэл=*:

Мэт мэ курильи=*лъэл*=унг. **Я знаю, оказывается.**

Тэт мэ курильи=*лъэл*=мэк. **Ты знаешь, оказывается.**

Тудэл мэ курильи=*лъэл*=ум. **Он знает, оказывается.**

Мит мэ курильи=*лъэл*=уй. **Мы знаем, оказывается.**

Тит мэ курильи=*лъэл*=умк. **Вы знаете, оказывается.**

Титтэл мэ курильи=*лъэл*=нга. **Они знают, оказывается.**

Спряжение непереходного глагола в ТЮ с формантами *=лъэл=*, *=лъэ=*:

Мэт мэр ааваа=*лъэл*=дээнг. **Я уснул(а), оказывается.**

Тэт мэр ааваа=*лъэл*=дээк. **Ты уснул(а), оказывается.**

Тудэл мэр ааваа=*лъэ*=нь. **Он(а) уснул(а), оказывается.**

Мит мэр ааваа=*лъэл*=дээйли. **Мы уснули, оказывается.**

Тит мэр ааваа=*лъэл*=дээмут. **Вы уснули, оказывается.**

Титтэл мэр ааваа=*лъэл*=ни. **Они уснули, оказывается.**

Спряжение переходного глагола в ЛЮ с формантом *=лъэ/лъэл=*:

Мэт минльэлмэ. Я **взяла, оказывается** (нечаянно)

Тэт минльэлмэк. Ты *взял, оказывается*.
 Тудэл милльэлум. Он *взял, оказывается*.
 Мит милльэлдиили. Мы *взяли, оказывается*.
 Тит милльэлмэт. Вы *взяли, оказывается*.
 Титтэл милльэлнаам. Они *взяли, оказывается*.

III. Гипотетическое предположение. В юкагирских языках для выражения гипотетического предположения во всех лицах имеется одна форма *-льэл-тэ*. Примеры из ТЮ: 1) *Тудэл виэльэлтэм*. Он, *наверное, сделал* (говорящий предполагает) (перевод информанта-носителя тундренного диалекта юкагирского языка В. Н. Третьякова) [12].

Примеры из ЛЮ: 1) *Тудэл аальэлтэм*. Он, *наверное, сделал* (говорящий предполагает); 2) *Тудэл ходольэлтэл*. Он, *наверное, лежал* (неопределенное: говорящий не уверен кто лежал) [10].

В приведенных примерах маркер *-льэлтэ* не содержит значения времени, в таком сочетании значение показателя будущего времени *-тэ* нейтрализуется, отсюда можно сделать вывод о том, что *-тэ* может маркировать не только будущее, но и настоящее-прошедшее время.

Итак, эвиденциальные глаголы с формантами, ТЮ *-льэ/льэл; -льэлтэ*; ЛЮ *-льэл; -льэлтэ*, передают сообщение не на основании опыта самого рассказчика, а лишь: 1) в качестве выводов, сделанных на основании видимых результатов (инференция); 2) говорящий знает информацию со слов других людей (цитатив); 3) при удивлении, получении новой информации говорящим лицом в момент речи (адаптивность).

Отсутствие единой точки зрения по поводу архаичных «неполнозначных» слов, объясняется в значительной степени сложностью самой проблемы. Употребление в речи модальных глаголов, одними из компонентов которых являются форманты ТЮ *-морав=, -мори=, -бунь= (-буол=, -буонь), -кэди*; ЛЮ *-можуу=, -можуи=, -уол/миэби-биэби/дин=*, а также эвиденциальных глаголов с формантами *-льэ/-льэл; =льэл-тэ*, свидетельствует о развитии грамматического строя юкагирских языков, - постепенный переход

полнозначных слов в суффиксы глаголов. В результате анализа словообразования глаголов в юкагирских языках с вышеуказанными формантами сделан вывод о том, что они выполняют роль своеобразных словообразовательных средств.

Список литературы:

1. Болдырев Б. В. «Морфология эвенкийского языка». – Новосибирск: Наука, 2007. 932 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).
2. Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский язык) // Языки и письменность народов Севера. – М.; Л., 1934. – Ч.3. Языки и письменность палеоазиатских народов. С. 149-181.
3. Крейнович Е.А. Юкагирский язык. - М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 288 с.
4. Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. – Л.: Наука, 1982. 302 с.
5. Курилов Г.Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке. – Ленинград: Наука, 1977. 120 с.
6. Курилов Г.Н. Образование именных слов в юкагирском языке. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. 104 с.
7. Курилов Г.Н. Юкагирско – русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.
8. Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык: Учебное пособие. – Якутск: Офсет, 2006. – 280 с.
9. Лукина М. П. Наречие в юкагирском языке. Новосибирск: Наука, 2014. 176 с.
10. Лукина М. П. Полевые материалы. Верхнеколымский улус Республики Саха (Якутия), с. Нелемное, 2011.
11. Лукина М. П. Полевые материалы. Магаданская область Российской Федерации, с. Сеймчан, 2012.
12. Лукина М. П. Полевые материалы. Нижнеколымский улус Республики Саха (Якутия), п. Черский, 2014.

THE LAST NOBLEMAN DESCENT FROM THE GOLDEN FAMILY OF CHINGGIS KHAAN AND THE BEST WRITER

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.80.1120

Baigalsaikhan S.

(Sc.D) Doctor of Science, Professor,
 President of 'Ulaanbaatar' State University, Mongolia.

Tumurbaata M.

(MA) Master in art of Linguistics,
 Senior lecturer at 'Ulaanbaatar' State University, Mongolia.

ПОСЛЕДНИЙ ДВОРЯНИН ПРОИСХОДЯЩИЙ ИЗ ЗОЛОТОГО РОДА ЧИНГИСХАНА И ЛУЧШИЙ ПИСАТЕЛЬ

ABSTRACT

The article clarifies a well-known man of literature who showed backbone by his tolerance during the hard times of repression in Mongolia. He was the last nobleman descent from the Golden family of Chinggis Khaan. However, he is famous for his literary writings, especially the narrative story 'Soyol Erdene' as his own biography.